

Прибытие поезда

Автор:

Леонид Поторак

Прибытие поезда

Леонид Михайлович Поторак

1877 год. Уже объявлена Русско-турецкая война, но до первого сражения остаётся ещё несколько недель. В это тревожное время судьба свела в степи молдавского разбойника-гайдука, священника и группу болгарских беженцев. И у каждого в этой странной компании есть план, которым он не собирается делиться с остальными...

Прибытие поезда

Леонид Михайлович Поторак

Иллюстратор Леонид Михайлович Поторак

© Леонид Михайлович Поторак, 2019

© Леонид Михайлович Поторак, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-2066-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вот она, местность сия. Белая степь, свалявшаяся под дождями, как травяной матрац. Придёт время – её взобьют кони размывающимися в мареве ногами. Через степь бывает видно дымы с турецкой стороны. Белые известковые глыбы и жёлтые земляные насыпи, ещё не тронутые пулями, поросшие сурепицей, изрытые сусликами. Пуля выбьет из известняка облако мела, а в глину уйдёт чисто, оставив круглую норку, где после обоснуется чёрная с малиновым блеском надкрыльев степная жужелица.

(До турецкой стороны по карте сантиметра два. Один раз шагнуть пальцами, чтобы пройти весь маршрут обоза.)

Для немногих, кто выбирал дорогу через белую степь к Дунаю, на середине пути устроили колодец, который потом загубили. Часто говорили, что в колодце нашли человека, но как он туда попал, рассказать было некому.

Отец Василий – вот он скovyривает с иконостаса позолоту, руки его в чешуйках золотой кожи – придёт в эти края с юга и уедет дальше на север, лёжа поперёк седла.

С ножом отец Василий справлялся неумело; вместе с лёгкими хлопьями сусала в мешок падала стружка, добавляя те лишние доли, что однажды перевесили палку в руках Кэтэлина Пую, пыльного краснолицего гайдука – на его белых от пыли щеках пот рисовал багровые борозды. В овечьем жилете застряли высохшие ости ковыля.

В таком образе стоял Кэтэлин Пую у стойки в станционной корчме: без гайдуцкого кафтана, без сабли, в крестьянской рубахе и вытертом до пергамента пиджачке, в этом своём жилете поверх всего – точь в точь из прошлой половины века – бродяга, чудной, но нестрашный человек. Ему налили кислого домашнего вина, и Кэтэлин разом втянул его в усы. Время здесь шло не так, как в степи. Отца Василия не было, как и жужелиц в ещё не выбитых в земле норах. В ожидании поезда спали, курили, уставясь в часы, мяли от скуки сгибы газетных страниц. Дыхание, хруст бумаги. Слышно было ещё, как лошади

во дворе переходят с места на место и влажно чихают.

В каплях вина и масла на столе отражались окна.

Потом он смёл рукавом осколки стакана, из которого пил, и оглядел станцию. Один лежит в дверях, вцепившись согнутыми пальцами в косяк, дальше – забившаяся в угол женщина, недавний курильщик, весь лёгший на засыпанный пеплом стол и прижавшийся к нему щекой, как на эшафоте, за ним у стены ещё двое мёртвых, свалившихся в обнимку с ружьями. Под окном шевелился, выдыхая непрерывный тонкий писк, подстреленный студент. Старик-обходчик застыл, сложив на коленях руки, и прямо у его сапог лежал четвёртый труп. Развороченная мягкой пулей спина в драном пехотном мундире. Из-под стойки выглядывал буфетчик с порезанным осколками лицом.

Кэтэлин притопнул; с носка сапога скатился раздавленный капсюль.

– Шли бы просто грабить, не начали бы со стрельбы. Это, – ствол револьвера устремлён в лоб того, что лежит в дверях, – Гицэ Бессарабец.

– Меня убили, – выдавил студент. Кэтэлин дёрнул щекой.

– Гицэ Бессарабец убивает, после берёт что хочет. Деньги берёт. Одежду всю берёт. Ему с мёртвого легче снять, – Кэтэлин сдвинул курок на полувзвод и прокрутил барабан, стряхивая остальные капсюли: тик-тик-тик. – Все понимают, что если бы не я...

– А-а...

– Закрой рот, мальчик, ты не умрёшь. У тебя только дырка в плече. Что я говорил? Вот урод... Когда я пришёл сюда, я только хотел выпить после дороги и дать отдохнуть коню.

Мужчина стёк со стола на скамью и дышал там, вытирая пепел со щеки. Кэтэлин снял со стойки уцелевшую бутылку. Положил её на бок, как короля в проигранной партии. Оторвал от стены длинную медную чеканку – ещё, кажется, тридцатых годов, бояре с трубками длиной в руку, цыганёнок с огнивом и собачки на подушках – и опустил серёдкой на мутный бок бутылки,

навроде качелей.

– Но вот ривольвер, – он отчётливо выговаривал «и». – Ты, – Кэтэлин кивнул буфетчику, – ты видел, что мой ривольвер спас этих людей?

– Господь да сохранит вас, домнуле[1 - Вежливое обращение, буквально «господин» (молд.)], и подарит вам много лет жизни, и детям вашим...

– Цыц. – Кэтэлин опустил револьвер на конец медной доски, лежащей поперёк бутылки. – Три фунта железа сохранили жизнь четырёх мужчин и бабы. Если здесь, – палец, весь в чёрной пороховой саже, стучит по другому концу чеканки, задравшемуся в потолок, – наберётся столько же денег и золота, сколько весит ривольвер, я уйду и никого здесь не трону.

Темнота; муха села на нос; степь сквозь липкий камыш ресниц; удар прикладом по голове. Четверо всадников спешили и поднялись на крыльцо, оставив оглушённого монаха лежать на ступенях. Потом, когда всё уже было кончено, он очнулся, и лежал ещё минуту, не поднимая головы от досок. Его перевернули, и над собою монах увидел красное лицо Кэтэлина Пую, обрамлённое бледным небом. Повернулся набок и уставился в степь, и лежал так, пока не пришёл в себя. Вспомнил, что спал, что его ударили; вжал голову в плечи, боясь, что этот красный человек, нависший над ним, снова врежет прикладом. Но Кэтэлин уже привязывал к седлу ружья, завёрнутые в пехотный мундир, и под синей тканью показался вытертый до желтизны приклад – его спутать было нельзя, это он прилетел монаху в лоб, и, значит, этот человек не тот. А с тем, значит, вышло несчастье, если его ружья вяжут к седлу с другими, собранными снопом.

Разобравшись с ружьями, Кэтэлин вернулся на крыльцо, приговаривая бездумно: так-то оно вот эдак, твою-то мать, чтоб это так-то вас всех туда... Потом сел на перила и принялся заряжать трофейный револьвер. Разглядел без интереса два других револьвера, один – русский, из новых, без труда открыл, закрыл и сунул за кушак, со вторым повозился, нашёл какой-то дивный рычажок, да так и не разобрался.

После, уже в следующем веке, в этой степи найдут ржавый ствол с вензелями и гравировкой, а прочие части револьвера сгинули безвестно. Брат Феодул раскидал их по сторонам, а шедший вскоре после того ливень надёжно укрыл

детали грязью и пучками вырванной травы.

- Эй, - монах завозился на ступенях и сел, опираясь на руку. - Г-гайдук.

- Ты кто?

- Аз съм б-брат Ф! -ф-феодул, - сказал монах, осторожно садясь на корточки, - от монастыря...

- Болгарин, значит, - гайдук поправил кошель с добычей, утёр лицо и вновь направился к коню. - Живи, брат Феодул, ты мне не нужен. Монаха обидеть - на всю жизнь удачи не иметь, - приговаривал он уже про себя, забираясь в седло. - Попа - другое дело, попы жадные, и за ними по пятам черти ходят...

- Говоришь чего, г-гайдук? - Феодул, оказывается, неплохо болтал по-румынски.

- Говорю, если чернеца обидеть, за тобой самим увяжется пара чертей, и будут шесть дней за тобой ходить, потому как шесть - число сатаны, - тут Кэтэлин громко сплюнул за плечо. - А седьмой день черти отвяжутся. Потому как - ну, ты сам знаешь. Но придёт полиция, и...

Брат Феодул подавился слюной и закашлялся, тараща на гайдука тёмные глаза.

- Гайдук! - крикнул он, когда Кэтэлин отъезжал. - Гайдук, с! -стой! П-п-подожди меня, г-гайдук, по-п-поговорим.

2

Откуда золото? Нет, монастырскую казну разобрали ещё два года тому. Остались оклады на паре икон, да, серебряные, правда. А вот ещё остался иконостас, вот это да. Это громадина такая, гайдук, до потолка, знаешь... Его первый раз золотили сразу, как поставили монастырь, а с тех пор исправно чинили. Да мало ли, что может быть. И турецкие набеги были, да, и попросту время. Ну, позолота облупляется, гайдук, и тогда её чинят. Не важно, пусть, я скажу: потому что его чинили, на иконостасе набрался большой слой сусала,

и если его снять, наберётся целый мешок. Труха, да, но это чисто золото, гайдук. А? Нам оно нужно, само собой. Но монастырям конец. Да, я говорю про два монастыря. Приходили башибузуки, убили половину взрослых, двоих детей увели куда-то, остальные попрятались... Когда началась война, пришли снова... Монастыри не достоят до осени, их сожрут нехристи, да, подчистую, это всем понятно.

(Кэтэлин отвязывает одно из ружей, закидывает за плечо. Могучим шлепком помогает монаху залезть в седло).

Дети. Вот в чём беда-то. Да, как война ближе подойдёт, монастыри спалют, а детей – Господи, убереги их, – ты выведи их, гайдук,пусти, я объясню. Я тебе предложение делаю. Я искал человека, который сможет это устроить, и тут ты. Откуда я мог знать? Я собирался ехать дальше... Так! Всё золото двух наших монастырей за то, чтобы ты провёл с болгарской стороны на север, навстречу русской армии, десяток монастырских детей. И серебряные оклады тоже тебе, конечно. А что нам терять? К приходу русских там никого не останется. Может, завтра всех вырежут. Возьми это золото, ради Бога. Через Дунай детей перевезёт один серб на ферибот[2 - Паром (болг.)]. Ну, ферибот. Не знаю, по-вашему иначе называется?

(Монах неуклюже устраивается, хватая коня за шею, чтобы не свалиться. Кэтэлин смотрит на него, будто уже хороня. «Ноги-то в стремя засунь, кавалерист» – «А» – «Поводья... авизуха[3 - Молдавское ругательство, «зараза»], держись за гриву» – «Б-б-благодарю» – «Бодапросте[4 - Пожалуйста (уст. молд.)]»).

Русские идут вдоль железной дороги к Дунаю, а нам нужно... Да не дождёмся мы их, говорю тебе, гайдук!. И-и, гайдук, в этом и дело. Если бы не бандиты, просил бы я тебя... Бог с тобой, что с того, что сам бандит. Ты христианин, и тебе заплатят. Всё золото тебе, гайдук. А ты защити нас. Проведи от Дуная к русским, мимо душегубов проведи, гайдук, от лиха убереги, и от таких как ты, от дружков своих убереги, а потом уходи, всё золото тебе, и серебряные оклады, и спасёшь грешную душу, искупивши грехи благим делом, ай,пусти.

(И они рванули через степь).

И они рванули через степь: Кэтэлин впереди, трясущийся монах следом. За каждым – пыльное облако. Умчавшись так далеко, что прибывающий поезд сделался невидимым, только дым бежал по травяной кромке, они оказались у поворота, съехали с дороги и дальше скакали сквозь ковыли. Брат Феодул, совершенно потерявшийся в толчках, скачках и мелькании пейзажа, держался – сам не знал за что, шептал молитву и надеялся, что конь справится и сам. Спустил Бог знает сколько минут гайдук перестал мелькать впереди и сместился вбок, потом и вовсе потерялся где-то за спиной.

– ...назад! – долетел его голос. – Наклонись назад, тупица!

– Что?!

– Откинься назад и тяни поводья к себе! Тяни поводья!

Конь так и не остановился, но замедлился, стал топтаться и ходить кругом. Феодул сполз с седла и откатился подальше от копыт.

Кэтэлин сидел в траве и дымил добытой на станции папиросой.

– Потянешь на себя, – сказал он сквозь зубы, – и наклонишься назад. Тогда остановишься. Может быть. Сильно не гони.

– А?

– Дальше сам поезжай, – спокойно пояснил Кэтэлин. Тут брат Феодул заметил, что конь гайдука уже стреножен каким-то ремнём. (И когда успел? Не за пару же секунд, пока монах болтался, пытаюсь высвободить ногу из стремя). – Если будешь двигаться прямо, выедешь к реке и сюда обернёшься засветло. Скажи этим своим детям и кто там с ними ещё? Скажи: я жду их здесь. Когда будут идти, пусть поют. Я услышу.

– Бог с т-тобой, г-га-айдук, зачем это?

– Я ведь передумать могу.

– Зачем...

– Пшёл.

А действительно, зачем он это придумал? От Кэтэлина Пую не осталось никаких записей. Это естественно. Он и писать не умел, скорее всего. Судить об этом эпизоде можно буквально по одной фразе из воспоминаний Кирилла Янко, который, собственно, мало что мог понять, придя на условленное гайдуком место в числе прочих детей. Никаких объяснений Янко не даёт, и, похоже, эти события для него не были значимыми. Вообще, в автобиографии Янко монашеское детство и бегство из Болгарии описаны очень скупо. Я полагаю, что Кэтэлин Пую боялся засады. У холмистого и каменистого берега запросто можно было найти сотню мест для укрытия и спрятать там небольшой полицейский отряд. Гайдук не мог этого не учесть. Правда, монах просил о помощи его одного, а сам по себе разбойник не стоит такой операции. И будь это засадой – туда заманили бы всю ватагу. А ватаги не было, поэтому, может быть, Кэтэлин и согласился вести детей. Не устоял перед монастырским золотом, которое причиталось ему одному. Ну представьте компанию хотя бы десяти-пятнадцати гайдуков. Каждому достанется неполная горсть золотой трухи. В лучшем случае, полная. Всё равно заманчиво, конечно, но не настолько, чтобы тащиться через полстраны. С детьми. С попами. Нет, в причинах согласия Кэтэлина я не сомневаюсь – для одиночки это чрезвычайно выгодное предложение.

В сумерках он развёл костёр, сварил жменьку фасоли в котелке, подвешенном на прутике и двух штыках, повертел над огнём кусок вяленого мяса. А после ужина, оставив костёр гореть, отвёл коня подальше, там снова его стреножил и улёгся рядом, положив перед собой ружьё и револьвер.

Спустя ещё пару часов вдали слышались какие-то завывания, а вскоре можно было и слова различить:

– ...Внегда приблизатися на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляюшии мя и врази мои, тии изнемогоша и падоша. Аще ополчитя на мя полк, не убоится сердце мое, аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю.

В тёмно-синем воздухе по лиловым травам шла вереница низеньких силуэтов, начатая и замыкаемая двумя взрослыми. Идущий последним вёл коня. Кэтэлин перевернулся на живот и залёг с ружьём в ожидании. Когда караван приблизился к костру, гайдук приподнялся на локтях, передёрнул скобу (благо, за нестройным пением не было слышно лязга) и прицелился.

– ...Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати...

Фигурка, стоящая ближе всех к предводителю, согнулась и громко чихнула.

– ..Храм святой Его, – предводитель, не переставая петь, вмазал чихнувшему по уху.

Хор сбился, кто-то умолк, кто-то заговорил по-болгарски.

– Гайдук! – (Голос брата Феодула). – Эге-ей!

Не услышав ответа, Феодул замахал на детей (а голова его лежала в прорези прицела, как в чаше), и вновь послышалось слабое пение.

– Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? – они, похоже, решили начать по новой.

В помине тут не было никакой засады. Кэтэлин поднялся и пронзительно свистнул. Петь тут же перестали и засуетились, оглядываясь на звук.

Отец Василий – широколицый, с большим бесформенным носом и седой бородой – кое-как представился по-румынски и перешёл на болгарский, отчего-то не усомнившись, что гайдук поймёт. Кэтэлин не возражал. Вот только языковых недоразумений теперь не хватало, подумал он. Золото отец Василий принёс в двух холщовых мешках: один почти полный, второй едва отяжелён на дне. Видать, два мешка выглядят внушительнее, а почему не засыпать поровну? – загадка.

Над костром собирается толчея насекомых, сквозь их подвижный тюль смотрит безразличная конская морда.

Дети стояли тесно друг к другу, но посреди их кучки пролегла ровная, никем не занятая межа. Как невидимое дерево упало. И пока отец Василий говорил что-то вроде «Господь не забудет вашего милосердия», Кэтэлин вглядывался в эту межу, недоумевая, что могло разделить их. А посмотрел на самих послушников – бывает же такое, что не замечаешь не то что очевидного, а вообще всего, и потом чувствуешь себя сумасшедшим; а это мысли, всегда выбиравшие верную колею, вдруг спутали поворот, обманувшись какими-то случайными знаками. Так вот, он посмотрел на послушников и поразился. С теми, что стояли справа, всё было понятно, но слева, отдельно...

– Это что же, – Кэтэлин поворошил пальцем густые усы и задумчиво констатировал. – Девочки.

И вот степь, уже совершенно потемневшая, и у костра стоят трое мужчин, шестеро мальчиков и пять девочек. И одежды толком не разглядеть, и на головах у всех похожие куколки, но заметно, чёрт возьми, даже лица – сколько позволяет рассмотреть бьющийся свет, и даже в этих несурзных мятых рясах что-то видно у тех, кто постарше.

– Девочки, – повторил он, переводя взгляд на мужскую половину. – О таком я что-то не слышал.

– П-по-нятно, – согласился брат Феодул. – Д-два монастыря. Мужской и ж... ж! Женский. – Он сплюнул мошку. – Б-божья воля свела...

Кэтэлин стоял, держа на плече ружьё, и смотрел на детей. Потом надул щёки, шумно выдохнул:

– Ложитесь. Жратву, надеюсь, вы имеете. Потому что у меня нет.

– Имеем, имеем, – поспешно сказал Феодул, махнув куда-то в сторону коня. – П-пора идти?

– Спать, – гайдук сел, зажав ружьё между колен. – Куда в ночь-то. Утром выдвинемся.

Никто не решился с ним спорить.

4

Отец Василий спал, устроив голову на мешках с золотом, завернувшись в серое шерстяное покрывало. Таких покрывал в монастыре была куча, а с собой взяли только тринадцать. Остальные, верно, пропадут. Посреди ночи он проснулся от холода, потом снова задремал и спал уже до утра. Утром он ударился затылком о землю, всхрапнул, заворочался, сказал «пух!» и открыл глаза. Мешки исчезли из-под головы. Впрочем, вот они уже объявились вновь, покачивающиеся в руках гайдука. Кэтэлин невозмутимо крепил оба мешка к седлу рядом с оружием. Скрываться и осторожничать гайдук точно не собирался. Сопел, топал, пёрхал и отдувался спросонья, ногтём трогал что-то на передних зубах, так что слышно было за версту.

Дети уже начали просыпаться. Пялились на Кэтэлина, ничего не соображая.

– Что?.. – открыл глаза брат Феодул. – К-к-к-к! -к? Т-ты п-п... – с утра он был как немой. – Т-т-т...

Кэтэлин что-то разжевал и сплюнул. Он был уже верхом.

– Север – там, – он махнул рукой в степь. – Хотите выжить – ни с кем в пути не разговаривайте, ни на кого долго не смотрите. Идите прямо к какому-нибудь селу.

– Подожди, эй, мы же ещё... – отец Василий сел, и понял, что в лицо ему смотрит восьмиугольник револьверного дула.

– Не шевелись, батюшка, – посоветовал Кэтэлин. – Взять с вас нечего, может, доберётесь. Друм бун[5 - Счастливого пути (молд.)].

Гайдук хлопнул коня по шее и негромко свистнул. Конь повёл ухом и тронулся с места. Кэтэлин не торопил его, так и удалялся – не оглядываясь и не прознеся больше ни слова.

– К-к-ак же! – брат Феодул вскочил и замахал руками (а дети лежали, глядя во все глаза). – Т-ты говорил! Т-т-ты с-сказал, что м-м-м! Что м-монаха не!

Кэтэлин не ответил, только просунул под мышкой ствол револьвера. Монах осёкся. Отец Василий смотрел на него, медленно кивая, словно говорил: а чего ты, собственно, ждал? Тут уже и дети поднялись и уставились вслед Кэтэлину.

(Середина весны 1877 года. Солнце жарит днём, как в июле.

На платформах под брезентовым пологом бьются друг о друга части разобранных катеров. Если слушать дольше минуты, можно выучить порядок, в котором сталкиваются отдельные детали; их песню. Во-сем-над-цать семьдесят семь. Во-сем-над-цать семьдесят семь. И несколько тощих фигурок в чёрно-сером рвань лежат в траве у самых рельсов, невидимые из окон. А может быть, видимые, но принятые за тряпки или мёртвых ворон, или куски брезента. Кто знает. Это случится позже. С точки зрения отца Василия и иже с ним, разумеется. Хотя отец Василий этого и не увидит, он будет висеть поперёк седла, глядя, как движутся под ним трава и лошадиные ноги).

Ничего, кроме золота, Кэтэлин не взял. Монахам остались шерстяные простыни, мешки с продовольствием и конь.

5

Через несколько минут его догнали. Гайдук оглянулся – на изрядном уже расстоянии виднелись чёрные рясы. А прямо к нему двигалась удивительная компания. Верхом на рыжем коне – том самом, украденном вчера со станции и привёзшем в степь брата Феодула – скакала девочка. Да как скакала, доамне фереште[б - Боже Правый (молд. диалект.)]. Свесила ноги на одну сторону, как барыня, даром что вся укутана в чёрный мешок. Сидит прямо, видно, что привычна к езде. Из-за спины её выглядывает мальчик – с виду помладше.

Держится кое-как, обхватив опытную наездницу за талию и скривившись от испуга. А за ними пешим ходом едва успевает ещё один монашек, этот, пожалуй, старше всех, но всё-таки тоже мальчишка.

Они остановились перед Кэтэлином. Тот, что бежал за конём, свалился и принялся кашлять и утирать пот. Хилые были эти монахи, негодные для степных путешествий.

Девочка встряхнулась, освобождаясь из объятий спутника.

- Ай небунит, фато?[7 - С ума сошла, девочка? (молд.)] - удивился Кэтэлин.

Девочка смотрела на него.

- Врай сы ти ущигэ?[8 - Тебя прибить? (молд.)] Тьфу, ты ж болгарка. Тебя что, пристрелить?

Она всё смотрела, набираясь смелости. Бледная, худая, то там, то сям веснушки, нос маленький - ну жалостливое такое лицо, как раз подходит для христовой невесты. Да они, если вдуматься, все как-то так неприметно и выглядят. Вот глаза у неё были стрёмные. Здоровые, как блюдца. Ненормально большие глаза на простеньком в общем-то личике.

- Пожалуйста, господин гайдук. Подождите минуту.

- Щи врай?[9 - Чего хочешь? (молд. диалект.)]

- Золото уже ваше, - сказала девочка. - А ещё у вас оружие. Вы же видите, у вас всё есть. Как вас зовут?

- Кэтэлин, - мрачно сказал Кэтэлин.

- Видите, Кэтэлин, у нас нет ничего. Угрожать мы вам не можем, предложить тоже больше нечего. И вы, конечно, можете оставить нас в поле, а сами ехать, куда вам захочется.

- Вот это в точку. Н-но!

Она не отставала, ехала вровень.

– Всё-таки пристрелить, – вздохнул Кэтэлин. (А девочке бы подрасти, была бы очень даже заманчивая краля. Ну, если не глядеть на глаза. Уродилась же... Опять же, говорят, с монашкой согрешишь, с другой бабой будет неудача. Кэтэлин в это верил).

– Простите нас, – голос тонкий, совсем детский. – Я не буду ехать с вами. Только дайте сказать. Вы едете на север, мы...

– Я не еду на север.

– Кэтэлин, на юге турки, а по сторонам только степь. Вы едете на север, потому что другой дороги тут нет, – (Кэтэлин смотрел на неё тяжёлым взглядом). – Мы тоже идём на север. Нам, конечно, очень хочется, чтобы вы нам помогли, но все уже поняли, что вы этого не хотите. Только почему вы отказываетесь от попутчиков? Чем мы вам помешаем?

– Чем – вы – мне – помешаете?

– Мы же монастырские, безобидные люди. А вы едете через такие места, где, мне рассказывали, могут случиться дурные вещи. А с монахов, вы же сказали, нет спросу. Позвольте идти с вами. Потому что сейчас вам это всё равно, а потом может пригодиться.

– Что у тебя с глазами?

– Послушайте... Нам очень хочется выжить. Поэтому мы бежим – потому что не хотим, чтобы нас убили. Вы хотите на север. Мы хотим к русским. Наше золото уже у вас, – (оба мальчика так и не издали ни звука, разве что громко дышали от напряжения). – Если мы начнём вам мешать, или с нами станет опасно, или просто надоест – оставьте нас. Я же знаю, с вами нельзя спорить. – (три пары глаз: карие, синие-огромные, синие-простые). – Просто мы хотим жить, и вы можете нас использовать. Можете спрятаться! У нас есть запасная ряса. Большая! Две! – (Кэтэлин почесал красную щёку и пришпорил коня). – И мы не будем ничего просить! И можем помогать. И не устанем! Можете с нами не разговаривать. Но мы же для вас не опасны, мы можем просто идти одной

дорогой. Кэтэлин!

- Круща мэтий[10 - Молдавское ругательство], ну и зенки у тебя. Н-но-о!

- Нам ничего не надо! – закричала она вдогонку. Голос её сорвался, девочка поперхнулась, но продолжала что-то вопить, да ещё двоих монашков рядом с ней прорвало, и они верещали в три голоса бессвязные мольбы.

Допотопный овечий жилет Кэтэлина мелькал в отдалении.

Гайдук не глядя сунул револьвер в кобуру. Добыл он этот револьвер у какого-то турка, и с тех пор не менял, хотя с русской стороны частенько попадались новые, патронные, четырёхлинейные, разламывающиеся пополам для зарядки. Каждый дурак умел с такими обращаться: вложить патроны, захлопнуть, взвести-стреляй. Но патроны в дикой местности поди поищи.

- Пошё-ол! – заорал он и сорвал с пояса хлыст.

В галопе, с развевающимися усами, он врубился в стаю этих несчастных воронят, едва успевших шарахнуться из-под копыт; размахивая хлыстом, налетел на брата Феодула (тот плюхнулся и стал отползать):

- Встать! Встать, мать вашу, быстро жопы подняли, ждать не буду!!

Оглушённые, больше ухода перепуганные его возвращением, монахи сбились в кучку. Никто уже никого не сторонился. Мальчики и девочки жались друг к другу, отец Василий пытался протолкаться вперёд, но его придавили с боков. А страшный Кэтэлин носился вокруг верхом и орал:

- Шевелись! – хотя сам же не давал пошевелиться.

Он согнал их в подобие шеренги, плюнул кому-то на макушку и сказал уже нормальным голосом:

- Кто пожалуется, останется подыхать.

И поехал впереди, не дожидаясь согласия.

А не надо было кучеру тянуться к ружью – пуля, видно, ударила в кость и вырвала кусок запястья. Бедняга свалился в траву, крича и зажимая рану. Оглушённый купец распластался рядом.

Кэтэлин поднял из-под колеса упавшую с возницы кушму. Похлопал её о рукав и хотел было надеть взамен своей мятой шляпы, но в последний момент сунул подмышку. Дым расходился. Пахло порохом и горелым салом.

В этот раз наживы было негусто: ткань и две коробки пряжи. У купца с трудом нашлась пара леев. Неудивительно, товар-то ещё не привёз. Ткань, однако, можно было продать в городе, а на леи хоть напиться. Бывало и бедней. Кучер притих, только ворочался на земле, весь залитый кровью. Что ж, с правой рукой парню лучше проститься заранее.

(А на самом дне повозки после обнаружился вычищенный до зеркала кусок металла. Кузнечный мусор; сорванная заклёпка, прежде, видно, крепившая что-то, перевозимое в телеге. Железку прибрал к рукам один из мальчиков-монахов, но это всё впереди, впереди).

Выдыхая сквозь зубы в ритме знакомой песенки: ф-ф-ф, ф-ф-ф, Кэтэлин привязал своего коня к упряжке.

Когда детей запихали в повозку, отец Василий спросил-таки:

– Что вы сделали? С теми людьми? Где они? – а ведь клялся, стервец, не задавать вопросов.

– Живы, – бросил Кэтэлин.

– Мы слышали выстрел.

– А я слышал, как сверну твою старую башку.

...Получается, что шли они всё-таки не на север, а на северо-восток. Поскольку встретиться с русской армией отец Василий планировал где-то в районе Галаца. А Дунай пересекли на западе недалеко от Сербии. Что характерно, Янко не пишет об этом ничего, зато в работах местных краеведов есть упоминание о захоронении двоих детей, застреленных турками при переправе с болгарского на румынский берег. Так что изначально планировалось, что Кэтэлин поведёт пятнадцать человек, включая взрослых, но к месту встречи добралось только тринадцать. Неизвестной остаётся судьба паромщика-сербя. Впрочем, о чём я, ведь я же его выдумал, этого паромщика, и нет никакой возможности узнать, кто там был на самом деле.

- Г-где ты по-по-болгарски научился, г-г! -гайдук?

Они проезжали сквозь заросли белых метёлок, порой достававших лошадям до середины груди. Брат Феодул, которого второй раз не смог бы заманить в седло ни патриарх, ни даже сам Георгий Победоносец, расположился на козлах и вполне себе сносно правил, а дети за его спиной о чём-то переговаривались.

Кэтэлин оторвался от жевания сухаря.

- Я из Тараклии, - ответил он, осыпая крошками жилет и седло.

- А-а, - протянул ничего не понявший монах.

- Что, батюшка! - вдруг громогласно произнёс Кэтэлин (брат Феодул чуть не свалился с козел), - весело оно путешествовать, с девками-то?!

Отец Василий чем-то поперхнулся; сзади донёсся его сдавленный хрип.

Отдельный вопрос - даты. Происходит это всё, если я делаю верные выводы, в середине, может быть, в конце апреля, или в самом начале мая.

Когда я сумел-таки выбраться посмотреть степь, был сентябрь, и мы несколько суток ждали, пока пройдёт дождь и высохнет после него земля. Степь (представлявшаяся мне почти космической стихией) перестала существовать

лет пятьдесят назад. Теперь там распаханые поля. И всё, что можно откопать, роясь в слое земли под пашней – семи- и девятимиллиметровые гильзы времён второй мировой. Занят Деж, занят Клуж, занят Кымпулунг...

Но мне обещали что-нибудь да нарыть.

7

В третьем часу над степью собрались тучи. Прохладный ветер сделал Кэтэлина неожиданно разговорчивым.

– Думаешь, мускалям есть до тебя дело?! – орал Кэтэлин, обращаясь к отцу Василию, едущему далеко позади. – Я бы с ними не связывался даже за сто мускальских рублей.

– Что ты говоришь? – спрашивал настоятель, догоняя гайдука.

– Бессовестная нация.

– Кто?

– Мускали, кто. Ты на них молишься. А они тебя отправят в Сибирь, батюшка, чтобы ты стал мускалём, а твоих детей отдадут в матросы.

– А ты был женат, разбойник?

– Чего? Нет, жизнь моя для такого не подходит.

– Видишь как. А ведь те же слова годятся и для меня. Жизнь моя для такого... да. Это я к тому, что хоть мы и разные, а две наши жизни можно описать одними словами. А ещё было сказано: довольно для каждого дня своей заботы. Это к тому, что дай сперва дойти до русских спокойно, а там будет видно. Вот так.

– Вот, – повторил Кэтэлин и задумался.

В повозке, под пологом, девочки разглядывали тюки атласа, один развернули и стали по очереди заворачиваться в гладкую ткань. Мальчики посмеивались, но глядели на юных послушниц с незнакомым прежде вниманием. Звали их: Клемент, Иван, Иван, Артемий, Сергей, Кирилл, Евдокия, Злата, Мария, Мария, Мария.

Гайдук ехал и думал о том, что дети-то жили в своих монастырях не одни, и почему из всех взрослых монахов бегут только неуклюжий заика Феодул и сам настоятель? Неужто все остальные уже мертвы? Или разбежались? Была тут какая-то загвоздка, и Кэтэлин, не привыкший долго сомневаться, уже начал было говорить:

- Где... - но вместо окончания вопроса гаркнул, - Стоять!! - тут же спешился и буквально сдёрнул с седла отца Василия. Дышло подъезжающей повозки едва не проткнуло их обоих.

- Что т-та-та-та...

- Та-та-та! Слазь! - и брат Феодул оказался на земле рядом с настоятелем. - Люди сюда идут, - сообщил им Кэтэлин.

Тут и вправду стали видны пять или шесть точек, движущиеся по грозовой полосе. Никто из монахов не знал порядков степи. Кэтэлин чертыхнулся. Некому тут было понять, что купцы путешествуют в каруцах или ведут навьюченных мулов, солдаты обыкновенно ездят большим числом, а все прочие - поодиночке. А эти ехали, выстроившись в неровную линию, и гайдук мог поклясться, что знает, кто эти всадники на горизонте.

- Вылазьте, - он за шиворот вытащил из-под полога тощего мальчишку.

Что-то в его лице заморозило их. Все выбрались без сопротивления, только один мелкий зацепился за борт и скатился кубарем. Никто к нему даже не оглянулся.

- Хайдушый[11 - Гайдуки (молд.)], - сказал Кэтэлин, показывая вдаль. - Гайдуки. Понимаете?

- Что это значит? - напряжённо спросил отец Василий.

– Нас уже видят, – Кэтэлин зачем-то потёр кулак, поплевал на него, как перед дракой. – Но покамест не разглядели. Так что живо делайте, что я говорю, а не то плакали ваши жизни и моё золото. Ты, – он схватил за плечо большеглазую. – Говорила, есть запасная ряса?

– С монаха спроса нет? – она улыбнулась, чёрт её дери, она улыбнулась всего на одно мгновение!

– Точно, окь булбукато[12 - Буквально «пучеглазая»]. Давай её сюда. А вы все станьте так, чтобы вас было легче бить.

В голове засела длинная и страшная песня о разбойнике, умирающем в тюрьме.

(«Помолись, гайдуче, богу, убоись, гайдуче, ада, – говорит она ему. – Ах, кабы не ты, гайдуче, я могла бы стать женою, а с тобой не бедовать. Ах, кабы не ты, гайдуче, не погибла б моя юность, радость девичья моя. Помолись, гайдуче, богу, убоись своей могилы, тебе рая не видать».)

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вежливое обращение, буквально «господин» (молд.)

2

Паром (болг.)

3

Молдавское ругательство, «зараза»

4

Пожалуйста (уст. молд.)

5

Счастливого пути (молд.)

6

Боже Правый (молд. диалект.)

7

С ума сошла, девочка? (молд.)

8

Тебя прибить? (молд.)

9

Чего хочешь? (молд. диалект.)

10

Молдавское ругательство

11

Гайдуки (молд.)

12

Буквально «пучеглазая»

Купить: https://tellnovel.com/ru/potorak_leonid/pribytie-poezda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)